

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2009
том 10
выпуск 3

*Издается
с 1997 г.*

Научный журнал

*Выходит
4 раза в год*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург

Журнал является научным изданием
Русской христианской гуманитарной академии.
Издается с 1997 г. С 2009 г. выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора

А. А. Ермичев

Редакционная коллегия:

Е. Г. Андреева, Д. К. Бурлака, Т. В. Ермакова, К. Е. Нетужилов,
П. Ю. Нешитов (*отв. секретарь редколлегии*), О. Е. Иванов,
М. В. Руднева, Р. В. Светлов, Т. Ф. Фадеева, А. А. Хлезов

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2009. Том 10. Вып. 3.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
ISSN 1819–2777

Печатается при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ВТОРЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ О. О. РОЗЕНБЕРГА (РХГА, 11–12 ноября 2008 г.)

Из истории российского востоковедения

Воробьева-Десятовская М. И. «Великие географические открытия» русских ученых в Центральной Азии	7
Рудой В. И. Вклад классиков Санкт-Петербургской буддологической школы в теорию источниковедения: подходы, методы и методики	23
Ермакова Т. В. Вклад учеников академика ф. И. Щербатского в развитие буддологических исследований	39
Четырова Л. Б. Буддизм в России: прошлое и настоящее	50

Философия и культурология Востока

Колесников А. С. Возможна ли интеркультурная философия?	59
Бурмистров С. Л. Учение Сурендранатха Дасгупты о культуре	71
Островская Е. П. Комплексное исследование «Абхидхармакоши»: реконструкция категорий буддийской культуры (1980–2000-е годы)	84
Харькова Е. Ю. Десять классических наук в тибетобуддийской культуре	97
Кий Е. А. Дискуссия об инфернальных формах существования в «Вимшатике» Васубандху	109

Религиозные традиции Дальнего Востока

Рысаков А. С. Конфуцианство как духовная традиция	120
Толстоулаков И. А. Модернизационные мотивы в деятельности корейского религиозного общества Тонхак	131
Филонов С. В. «Хочу служить я шидичэнем в Рассветном дворце императорском...» (некоторые аспекты даосской концепции <i>сяня-небожителя</i>)	141

Общественная мысль и практика в странах Востока

Шомахмадов С. Х. Буддийская концепция власти согласно теократической доктрине Нитирэна	155
Лепехов С. Ю. Буддийская цивилизация и парадигма открытого общества	161
Прокуденкова О. В. Институционализация русско-индийских культурных связей во второй половине XIX — начале XX века	173
Островская Е. А. Транснациональная буддийская коммуникативная сеть: менеджмент религиозного конфликта	185

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Шугуров М. В.</i> Научная рациональность и христианская мистика: от дивергенции к диалогу	198
<i>Емельянов В. В.</i> Уровни реконструкции древней религии (на примере Месопотамии)	215
<i>Кикнадзе Д. Г.</i> «Чудо, сотворенное святым отшельником»: рассказ из памятника средневековой литературы XIII века «Рассказы, собранные в Удзи»	222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Платонополис — 2009 (<i>П. Нешитов</i>)	228
Историко-методологический семинар «Русская мысль» на базе Русской христианской гуманитарной академии (<i>Н. Румянцева</i>)	230
Современный философский журнал «Хора» (Курск)	233
Памяти Валерия Исаевича Рудого	235
Наши авторы.	238
Аннотации.	240

Т. В. Ермакова

ВКЛАД УЧЕНИКОВ АКАДЕМИКА Ф. И. ЩЕРБАТСКОГО В РАЗВИТИЕ БУДДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Академик Ф. И. Щербатский был не только крупнейшим исследователем буддийского письменного наследия, но и организатором буддологии, директором первого в России специального научного учреждения — Института буддийской культуры (ИНБУК, 1928–1930).

Науковедческое рассмотрение деятельности ИНБУК позволяет установить, что этот институт представлял собой административную рамку научной школы академика Ф. И. Щербатского. Существенно отметить, что в зарубежной (К. Регамей, Э. Конзе), а позднее и в российской буддологии Щербатский неизменно признавался основателем Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы буддологических исследований, чем подчеркивалась самобытность разработанного им методологического подхода и устойчивость объекта и предмета изучения. Во всяком случае, основные признаки научной школы — крупный профессиональный лидер, признаваемый авторитет в данной области знания, единая программа исследований, наличие ученых-последователей из поколения учеников со своим самостоятельным вкладом в единую программу — в полной мере приложимы к деятельности Ф. И. Щербатского и его сотрудников как в период ИНБУК, так и в последующие годы.

Здесь нужно прояснить внешние факторы организации академических и, соответственно, буддологических исследований в раннесоветский период. Первый советский устав Академии наук был принят в 1927 г. Он предусматривал широкое развитие такой формы организации научных исследований, как институт, в качестве основной структурной единицы. С. Ф. Ольденбург как непререкаемый секретарь Академии был хорошо знаком с зарубежной практикой организации науки и регулярно выступал в печати с публикациями, освещающими соответствующий опыт Германии, Англии, Франции: в этих странах были сформированы специальные институты, углубленно работающие над одной профильной проблематикой, имеющие в своем составе профессиональную библиотеку. Формирование ИНБУК,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Буддийское письменное наследие в трудах Санкт-Петербургской буддологической школы и коллекциях Азиатского музея», проект № 8–01–95369 а/П.

таким образом, удачно вписывалось и в советский, и в европейский научно-организационный контекст.

Блестящий проект академика Ф. И. Щербатского — создание программы комплексных буддологических исследований — в значительной степени реализовался усилиями его учеников на базе Института буддийской культуры (ИНБУК). Щербатской, можно полагать, разрабатывал эту программу в расчете на их профессиональную подготовку и личную исследовательскую одаренность.

Рассмотрим существенные результаты работы учеников Щербатского по программам ИНБУК.

Проблема формирования источниковой базы буддологического исследования имела самостоятельный аспект — насущную необходимость систематизации и адекватной жанровой квалификации письменных памятников, обнаруженных в буддийских монастырях. Ученику академика Щербатского А. И. Вострикову принадлежит пионерский вклад в решение указанной проблемы. Так, в критическом обзоре публикации Дж. Ван Манена «Вклад в библиографию Тибета» в журнале Азиатского общества Бенгалии (1923) Востриков формулирует аргументированный вывод: «Нередко самая тема исследования, самый объект изучения или перевода обнаруживает еще недостаточное знакомство исследователей со всем богатством наличных материалов в данной области, отсутствие правильной перспективы в деле сравнительной оценки и выбора памятников, достойных опубликования, свидетельствует о затрате сил и труда на опубликование первых попавшихся и далеко не полноценных произведений, которые такой затраты не заслуживают»². Тему выбора представительных источников, которую инициировал еще Щербатской, Востриков развивает применительно к оценке научного значения имеющихся коллекций тибетских рукописей и ксилографов. Констатируя относительно случайный их состав и заведомую неполноту, Востриков выдвигает новаторскую мысль о координации исследовательских усилий в направлении их описания для создания более адекватного представления о письменном наследии индотибетской традиции как системе³. Востриков также обосновывает связь составления справочных библиографий тибетской литературы с исследованием самих памятников⁴. В данном случае имеется в виду, что невозможно дать адекватную жанровую квалификацию памятника без определения его содержания. «Каждое новое подробное и точное описание ксилографа и рукописи является действительным вкладом в наше познание тибетской библиографии»⁵. Как последовательный представитель школы Щербатского Востриков призывал исследователей активно использовать тибетские, т. е. созданные носителями индотибетской культуры «библиографические и исторические произведения, справочники и каталоги тибетских издательств»⁶. Таким образом, Востриков сформулировал те подходы и методические принципы, которыми руководствовался при создании своего главного труда в этой области — «Тибетская историческая литература».

² Востриков А. И. К библиографии тибетской литературы // Библиог. Востока.— 1934.— Вып. 2–4 (1933).— С. 20.

³ См.: там же. С. 22.

⁴ См.: там же. С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

К глубокому сожалению, по венаучным причинам этот обширный труд был опубликован только в 1962 г. Из авторского введения можно установить, что основные положения были доложены Востриковым на сессии АН СССР в марте 1935 г. Интерес, с которым было воспринято сообщение, побудил Вострикова к созданию расширенного текста. Биобиблиографическое описание тибетской исторической литературы, полагаем, было избрано Востриковым как направление своих исследований не случайно. Так называемая историческая литература в силу специфики тибетского историописания — история как история буддизма — содержала массу конкретных фактов о крупных деятелях буддизма и, главное, их сочинениях, которые могли быть даже кратко пересказаны. Таким образом, это открывало определенную перспективу расширения источниковой базы исследования буддийской философии и школьных дискуссий, в чем непосредственно был заинтересован Щербатской. Во всяком случае, почти в это же время Е. Е. Обермиллер переводит «Историю буддизма» Будона Ринчендуба, содержащую именно этот тип материала.

По замыслу и общей концепции «Тибетская историческая литература» представляется нам выполненной в русле идей Санкт-Петербургской буддологической школы. Обширные комментарии, данные Востриковым, характеризуют его как глубокого знатока огромного массива письменных памятников. Существенно, что Востриков активно использовал памятники из коллекций Цыбикова и Барадийна, вошедшие в состав собрания Азиатского музея. Востриков создал классификационную схему для описания произведений тибетской исторической литературы, фактически систематизировавшую это собрание. Согласно этой схеме, монография Вострикова состоит из пяти больших разделов: древнейшая историческая литература Тибета; апокрифы; основные разновидности тибетской исторической литературы — центральная и самая обширная, состоящая из одиннадцати подразделов — историко-библиографические обозрения тибетского буддийского канона, историко-географическая литература.

Самый молодой ученик Щербатского — Е. Е. Обермиллер (1901–1935) сочетал в своей деятельности изучение письменных памятников тибетобуддийской традиции и полевые исследования бурятских дацанов — буддийских монастырей (1926–1927 гг.). Во время своих экспедиций он, пользуясь глубоким знанием тибетского языка и буддийского письменного наследия, обучался дополнительно у носителей традиции — просвещенных буддийских монахов. Именно в процессе этого обучения Обермиллер познакомился с тибетской экзегетической литературой и методами буддийского философского диспута⁷. Он осуществил перевод принципиального для понимания тибетского историописания сочинения «История буддизма в Индии и Тибете» (Будон, XIV в.), сопроводив перевод обширным историко-культурным и религиоведческим комментарием. Щербатской утверждал, что среди современных ему буддологов-тибетологов не было равных Обермиллеру. Однако, будучи в полном смысле слова учеником Щербатского, Обермиллер работал и с санскритскими индубуддийскими религиозно-философскими памятниками. Он активно преодолевал «наследие» филологического метода, разрабатывая тибетско-санскритские понятийно-терминологические индексы к сочинениям крупнейшего буддийского гносеолога Дхармакирти.

Пример последовательного применения базовых принципов перевода и исследования буддийских письменных памятников, сформулированных академиком Ф. И. Щербатским,

⁷ Roerich G. N. Indology in Russia // Journal of the Greater India Society.— 1945.— V. XII.— № 2.— P. 94.

представляет собой статья Е. Е. Обермиллера «Пути изучения тибетской медицинской литературы», опубликованная в «Библиографии Востока» (Вып. 8–9, 1935) уже после безвременной кончины молодого ученого. В этой статье, что примечательно, базовые положения методологии работы с источником, показавшей свою эффективность в исследовании философских трактатов, использованы при формулировании подхода к источникам индотибетской медицинской традиции.

Обермиллер, анализируя опыт европейских (А. Чома Кереши, Б. Лауфера) и русских (П. А. Бадмаева, А. М. Позднеева) исследователей в работе с основополагающим медицинским трактатом «Чжуд-ши», приходит к выводу, что неясность переводов тибетского текста трактата была обусловлена изолированным рассмотрением памятника без привлечения источников, связанных с ним содержанием и контекстом функционирования. «Первейшей задачей <...> должно быть ознакомление с главнейшими произведениями, с которыми наш трактат находится в непосредственной органической связи. Правильное понимание научной терминологии, правильное истолкование труднейших сюжетов станет возможным только при изучении всей доступной нам литературы. Необходимо помнить, что мы имеем дело не с единственным текстом, а с целой научной системой, для понимания которой мы должны использовать все данные. Только тогда мы получим ясное и правильное представление о данной системе»⁸. Положение Щербатского о системном рассмотрении источника Обермиллер применяет к тибетской медицинской литературе следующим образом. Прежде всего он проводит линию исторического преемства тибетской медицины к индийской, полагая, что «это одна школа, одна система»⁹. Собственно тибетский текст Чжуд Ши считался переводом с санскрита. Наиболее важным источником для исследования терминологии буддийской медицины Обермиллер считал Аштангахридаю-самхиту Вагбхаты, с которым он ознакомился по бомбейскому изданию, хранящемуся в библиотеке Института востоковедения. Наличие в составе Данджура полного перевода памятника с санскрита на тибетский язык открывало перспективу установления санскрито-тибетских терминологических соответствий. Это, в свою очередь, давало возможность «оперировать с индийской и тибетской литературой как с единым целым»¹⁰. Отметим, что Обермиллер уже имел опыт определения санскритско-тибетских терминологических соответствий в рамках сквозной для школы академика Щербатского темы — буддийской логики и эпистемологии¹¹. Именно поэтому Обермиллер уверенно утверждал, что «пример других отраслей индийской и тибетской научной литературы достаточно ясно показал, насколько важным является наличие одного и того же источника на обоих языках и точное знание эквивалентов»¹².

Далее Обермиллер применяет также характерный для данной школы методический прием — обращение к комментаторской традиции, сложившейся по поводу конкретного базового источника. Применительно к сочинению Вагбхаты это авто-

⁸ Обермиллер Е. Е. Пути изучения тибетской медицинской литературы. Библиография Востока. — Вып. 8–9 (1935). — М.; Л., 1936. — С. 49–50.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ См.: Obermiller E. E. Indices Verborum Sanskrit-Tibetan to the Nyayabindu of Dharmakirti and the Nyayabindutika of Dharmottara. — Vol. I–II. — 1927, 1929 (Bibliotheca Buddhica, Vol. XXIV, XXV).

¹² Обермиллер Е. Е. Пути изучения тибетской медицинской литературы. С. 54.

комментарий Аштангахридаявайдурьябхашья и Падартхачандрикапрабхаша авторства кашмирского медика Чандрананды, вошедшие в тибетских переводах в состав Данджура. В этой части Обермиллер также развивает аргументацию в русле идей Щербатского, однако формулирует свою позицию. Так, он характеризует состав необходимой для изучения индотибетского теоретического умозрения источниковой базы: это «коренной» текст, состоящий из карик, и подробные комментарии и субкомментарии, в которых собственно и развивалась школьная традиция. В качестве примеров Обермиллер приводит индийскую математику, грамматику, теорию поэзии и буддийскую философию¹³.

На основе такого подхода Обермиллер формулирует задачу составления медицинского терминологического словаря, санскритско-тибетского и тибето-санскритского. Напомним, что установление базовой терминологии — также отличительная черта Санкт-Петербургской буддологической школы.

Принципиально важна для установления конкретных фактов реализации методологических идей Щербатского в разработках его учеников критика Обермиллером филологического метода и прямая отсылка к точке зрения учителя: «Строго филологический метод, т. е. метод дословного перевода, здесь совершенно неприемлем. В данном случае особенно явствует правильность точки зрения академика Ф. И. Щербатского, который неоднократно подчеркивал, что слова, хотя и заимствованные из обыденного языка, но получившие в известной научной системе положение технических терминов, никоим образом нельзя переводить в их обычном значении. <...> Главное — смысл; буквальный же перевод всегда будет непонятным и создаст совершенно превратное представление об оригинале»¹⁴.

Как религиовед Обермиллер особенно много внимания уделял исследованию нирваны как высшей религиозной цели буддизма¹⁵. Упор в этих исследованиях был сделан на изучении махаянского направления буддизма, получившего распространение в Тибете. Ранняя смерть Обермиллера не позволила ему обобщить свои идеи в объемных публикациях.

Следующий подраздел посвящен анализу вклада М. И. Тубянского — ученика и младшего коллеги Ф. И. Щербатского, соавтора проекта ИНБУК — в исследование буддизма. Наряду с работами, опубликованными в период пребывания М. И. Тубянского в Улан-Баторе (1927–1936), к раскрытию темы привлечены не публиковавшиеся ранее архивные материалы, проливающие свет на факты биографии ученого и обстоятельства его деятельности в Монголии 30-х гг. XX в.

Первоначальный этап научной биографии М. И. Тубянского связан с обучением на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, который он окончил в 1919 г. как санскритолог. Обучение у академика Ф. И. Щербатского определило в качестве предмета научных занятий буддийскую философию и логику.

В 1920 г. М. И. Тубянский был принят в штат Азиатского музея (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР). Параллельно он преподавал бенгальский язык в Петроградском (Ленинградском) институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ).

¹³ См.: там же. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Подробнее об этом направлении исследований Обермиллера см.: Семичов Б. В., Зелинский А. Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской // Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. — М., 1988. — С. 32.

С 1919 г. академические занятия М. И. Тубянский совмещал с работой референта иностранной прессы в Бюро информации при Союзе коммун Северной области. Это учреждение вскоре было интегрировано в систему Исполкома Коминтерна, и Тубянский сотрудничал с ним до 1923 г. В качестве редактора переводов М. И. Тубянский участвовал в работе Второго (1920) и Третьего (1921) конгрессов Коминтерна в Москве. Когда все подразделения Коминтерна сосредоточили в столице, М. И. Тубянский не стал уезжать из Петрограда¹⁶.

Под руководством академика Ф. И. Щербатского и по его инициативе М. И. Тубянский начинает изучать тибетский язык, а под руководством академика Б. Я. Владимирцова — монгольский.

Такая профессиональная языковая подготовка буддологов (санскрит, монгольский, тибетский языки) характерна для школы академика Ф. И. Щербатского. В до-революционный период именно таким образом были подготовлены Г. Ц. Цыбиков и Б. Б. Барадийн. За этим стояла отчетливая концепция родоначальника Петербургской-Ленинградской школы в буддологии — комплексный подход к письменному наследию буддийской культуры, использование переводов на языки Центральной Азии для восстановления утраченных звеньев индобуддийского канона. Богатство центральноазиатской буддийской литературы уже было известно в результате путешествий в Тибет Цыбикова и, впоследствии, Барадийна. В 1927 г. С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, М. И. Тубянский публикуют в Известиях АН СССР Объяснительную записку к проекту учреждения при АН СССР Института изучения буддийской культуры. Одно из принципиальных положений документа — усиление научных связей буддологов европейских стран с их коллегами из стран Востока.

Относительно Монголии говорится, что Монгольский ученый комитет¹⁷ плодотворно работает по сбору памятников буддийского канона¹⁸. В это же время другие ученики Ф. И. Щербатского — Е. Е. Обермиллер и А. И. Востриков — выезжают в Бурятию, где несколько летних сезонов в непосредственном контакте с представителями буддийской монашеской образованности совершенствуются в практике перевода специальной философской терминологии. Таким образом, в деятельности Ф. И. Щербатского как организатора буддологических исследований опора на письменное наследие закономерно сочеталась с изучением функционирования данного памятника в системе живой буддийской традиции.

Поездка М. И. Тубянского в Монголию для изучения тибетской литературы в 1927 г.¹⁹ представляла собой конкретный аспект большой трансрегиональной программы. Молодой ученый сформулировал свои исследовательские задачи следующим образом: поскольку Тибет практически недоступен для посещения, то сведения о Тибете и современной буддийской литературе, а также о печатающихся старых тибетских сочинениях могут быть получены в Улан-Баторе, крупном центре буддийской

¹⁶ См.: Автобиография.— Личное дело Тубянского М. И. // СПб Филиал Архива РАН. Ф. 152. Оп. 3 Ф Ед. хр. 610. Л. 5. В других доступных источниках упоминаний о контактах М. И. Тубянского с Коминтерном не обнаружено.

¹⁷ Образован в 1921 г., именовался впоследствии Научно-исследовательский комитет (НИК), прообраз Академии наук МНР (1961).

¹⁸ См.: Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И. Институт изучения буддийской культуры // Известия АН СССР.— Сер. VI.— 1927.— Т. XXI.— № 18.— С. 1704.

¹⁹ См.: Автобиография. Л. 6.

культуры; вторая задача — ознакомление с богатствами монастырских библиотек, еще практически не изученными.

В качестве самостоятельной задачи М. И. Тубянский планировал изучить на базе монастырей Улан-Батора всю систему монашеского образования в аспекте преподаваемых дисциплин и методов изложения материала. Он полагал, что в Улан-Баторе монастырское высшее образование представлено в полном объеме, и изучение этой системы принципиально важно ввиду того, что она присутствует и в Тибете, и в Монголии, и в Бурятии²⁰.

Предполагалось, что эта обширная программа будет выполняться в течение 1 года. Однако на месте ученый осознал, что этот срок явно недостаточен. Уже во время пребывания в Улан-Баторе М. И. Тубянский получил предложение от Полпредства СССР остаться в Монголии в составе Ученого комитета МНР и параллельно обслуживать полпредство по прикладным вопросам монголоведения и тибетологии²¹. Предложение было принято, и в результате М. И. Тубянский проработал в Монголии до 1936 г. Существенно, что за вклад в научно-организационную работу ученый был награжден Трудовым орденом МНР 1-й степени²².

Собственно буддологические изыскания М. И. Тубянского и обстановка в Улан-Баторском монастыре Гандан могут быть восстановлены по обширному письму к академику Ф. И. Щербатскому, написанному в жанре отчета о работе²³. Именно на основе этого письма Ф. И. Щербатской подготовил отчет для Комиссии экспедиционных исследований АН СССР²⁴.

Отправляясь в Монголию, Тубянский полагал, опираясь на опыт российских исследователей XIX — начала XX в., что буддийские монастыри и ученые монахи будут достаточно доступны. Однако положение буддизма в Монголии 30-х гг. радикально изменилось. Буддийское духовенство и буддийские монастыри переживали период законодательно закрепленного лишения всех политических, идеологических, экономических преференций. Конституция МНР (1924) и Закон об отделении дел религии от дел государства (1926, 1934) ввели деятельность монастырей и монахов под общегосударственную юрисдикцию. На подрыв экономической базы монастырей были направлены Закон о налогообложении и Закон о наследстве (запрещение завещаний в пользу монастырей и буддийских иерархов, что дополнительно блокировало носителям буддийской веры реализацию религиозной заслуги дара монашеской общине). Без сомнения, М. И. Тубянский застал буддийскую культуру Монголии в самый драматичный период ее многовековой истории.

Динамика законодательного регулирования статуса буддизма в Монголии в 30-х гг. XX в., включая запрет на мероприятия по отождествлению IX Гегена, представляет интерес для самостоятельного исследования. Применительно к целям статьи обратимся к сведениям из письма М. И. Тубянского. Поскольку монастырь Гандан в Улан-Баторе был признанным центром буддийского образования, исследователь стремился реализовать

²⁰ См.: Черновик заявления о целях командировки // АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 56. Л. 1–2.

²¹ См.: Автобиография. Л. 7.

²² См.: Там же.

²³ См.: Письмо М. И. Тубянского Ф. И. Щербатскому (1928) // СПбФ АРАН. Ф. 723. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19–23.

²⁴ См.: Отчеты Ф. И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1927 г. / Публ. Я. В. Василькова // Orient. Альманах.— Вып. 2–3.— СПб., 1998.— С. 109–111.

цели своей командировки именно в контакте с представителями ганданской монашеской элиты. Однако он пишет, что в изменившихся условиях монгольские монастыри по степени недоступности стали ближе к тибетским.

В ситуации политического давления Гандан, как указывает М. И. Тубянский, оказывал серьезное сопротивление, создавая проблемы новой власти²⁵. Поэтому появление русского исследователя, интересующегося принципиальными вопросами буддийского учения, воспринималось неоднозначно. Во всяком случае, предварительно ему устраивали «экзаменовки» на знание буддизма, с которыми он справился. Будучи заинтересованным в преподавателе по буддийской философии, Тубянский согласился на просьбу монахов преподавать им санскрит по учебнику Г. Бюлера. Для этого он переводил лекции на тибетский язык²⁶.

В письме упомянуто о встрече с Зава-Дамдином — видным деятелем монгольской буддийской культуры. В автобиографии Зава-Дамдин, действительно, упоминает о такой встрече в 1928 г., когда Тубянский передал ему книги от Ф. И. Щербатского²⁷. По-видимому, знание буддизма и языков буддийского мира способствовали контакту с образованными монахами и даже буддийскими иерархами. Так, Делув-Хутухта упоминает в своих воспоминаниях, что познакомился с русским Тубянским, который часто приходил к нему за консультациями. Делув высоко оценивал подготовку исследователя в буддизме. Обсуждали они и тему репрессий против буддийского монашества²⁸.

Эти краткие свидетельства особо ценны потому, что в них зафиксирован факт сохранности монастырей как центров буддийского образования и письменной культуры на фоне законодательного регулирования, направленного на борьбу с политическим влиянием буддийских монастырей.

К сожалению, научные труды и подготовительные материалы к ним, о которых М. И. Тубянский указывает в письме к академику Щербатскому, по-видимому, утрачены. Обратимся поэтому к немногочисленным работам, опубликованным в монгольский период деятельности ученого в издававшемся в Улан-Баторе журнале «Современная Монголия».

М. И. Тубянский был знатоком монгольского письменного наследия, что исчерпывающе продемонстрировано им в обзорной статье, написанной и опубликованной в Монголии — «Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода»²⁹. Исследователь отмечал, что даже к началу XX в. в качестве самостоятельного историко-культурного явления корпус созданного в Монголии письменного наследия был изучен недостаточно, в том числе собственно в Монголии, и в связи с этим высоко оценивал деятельность Ц. Жамцарано, инициировавшего научные исследования такого рода и формирование коллекции рукописей и старопечатных книг в рамках НИКа.

Признавая принципиальную роль буддийских монастырей в истории монгольской культуры, М. И. Тубянский подчеркивал, что самостоятельным элементом монгольской

²⁵ Письмо М. И. Тубянского Ф. И. Щербатскому (1928). Л. 20.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. — Улан-Батор, 1964. — С. 6.

²⁸ См.: The Deluv Khutagt. Memoirs and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution by O. Lattimore and Fujiko Isono. — Wiesbaden, 1982. — P. 186.

²⁹ См.: Современная Монголия. — 1935. — № 5 (12). — С. 8.

литературы являлись сочинения, созданные видными представителями монастырской элиты на тибетском языке — языке центрально-азиатской буддийской учености³⁰.

Таким образом, Тубянский реализовывал в интерпретации конкретного материала принцип исторического подхода, разработанного в рамках российского академического востоковедения применительно к анализу буддийской письменной культуры, признавая содержательную связанность буддийской культуры Монголии с индотибетской философской традицией³¹.

В русле концептуальных идей, заложенных в основу программы ИНБУК, М. И. Тубянский предлагает рассматривать историю монгольской литературы в контексте «истории идеологии всего центрально-азиатского общества, частью которого была Монголия»³².

В этом же году М. И. Тубянский совместно с С. Ю. Беленьким публикует статью «К вопросу об изучении тибетской медицины»³³. Обращение ученого к этой проблематике не случайно. Изучение тибетской медицины как неотъемлемой части буддийской культуры предполагалось в программе ИНБУКа. Напомним, что источниковедческий анализ темы был сделан другим учеником Ф. И. Щербатского — Е. Е. Обермиллером.

М. И. Тубянский устанавливает преемство тибетской медицины с индийской и китайской, анализирует ее как целостный культурный феномен, сложившийся в контексте религиозной идеологии³⁴.

Таким образом, по публикациям и архивным материалам М. И. Тубянского можно восстановить существенный аспект трансрегиональной программы изучения буддийской культуры.

К сожалению, вскоре по возвращении на родину М. И. Тубянский, как и многие его советские и монгольские коллеги по НИКу и ИНБУКу, пал жертвой необоснованных политических репрессий, и в полном объеме его научному дарованию не суждено было раскрыться.

В качестве самостоятельного академического института ИНБУК просуществовал до 1930 г. Устав 1930 г. можно назвать рубежным для дальнейшего пути развития российского востоковедения, поскольку он уже содержал идеологическую обусловленность методов исследования материалистическим мировоззрением, тенденцию укрупнения структурных единиц Академии, что можно было реализовать только путем слияния ранее созданных учреждений. Ужесточалось также требование практической направленности академических исследований и усиления их связи с задачами социалистического строительства. Начинает кристаллизоваться концепция советской науки как прогрессивной альтернативы науке буржуазной, что применительно к востоковедению означало отход от традиций дореволюционного академического цикла и формирование принципиально новых тематик: исследование социально-классовой структуры восточных обществ, анализ истории народных восстаний и освободительных движений, разговорные языки и новая литература стран Востока.

Соответственно тенденции укрупнения академических учреждений в 1930 г. формируется Институт востоковедения, в который влились все востоковедные учреждения,

³⁰ См.: Там же. С. 9.

³¹ См.: Там же. С. 14.

³² Там же.

³³ См.: Современная Монголия.— 1935.— № 3 (10).

³⁴ См.: Тубянский М. И., Беленький С. Ю. К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия.— 1935.— № 3 (10).— С. 72.

включая ИНБУК. Академик Щербатской и его сотрудники теперь работали в Индо-тибетском кабинете в составе указанного института. Буддологическая проблематика была сохранена, но дополнена темами, считающимися более актуальными. Так, например, Щербатской и Ольденбург вскоре приступили в плановом порядке к переводу с санскрита Артхашастры Каутильи — древнеиндийского социально-политического трактата с целью реконструкции соответствующей терминологии, что признавалось существенно важным.

Сложность проведения собственно буддологических работ усугублялась однозначно негативным отношением ко всем формам религиозного мировоззрения и, соответственно, к буддизму в рамках действующего законодательства и идеолого-политической практики. Политический климат не предполагал открытого признания письменных памятников буддийской культуры предметом объективно-научного исследования. Несмотря на то, что Библиотека Буддника просуществовала до 1937 г., результаты буддологических исследований Щербатской и Обермиллер (до своей безвременной кончины в начале 30-х гг.) публиковали на английском языке и преимущественно за рубежом — в Англии и в Индии.

Широкие контакты с центрами буддийской учености и зарубежными буддологами, составлявшие необходимый элемент комплексного подхода к изучению буддизма, в контексте политических процессов в СССР 1935–1937 гг. сыграли роковую роль для дальнейших судеб школы Щербатского. Хотя это требует специального изучения, нельзя полностью исключить определенного влияния и политических процессов, проходивших в тот же период в Монголии. Во всяком случае, Ц. Жамцарано, входивший в состав Ученого совета ИНБУК, на III Пленуме ЦК МНРП был назван в числе «руководителей японской разведки в Монголии». Буддийские монастыри также были разгромлены как в Монголии, так и в Калмыкии, Бурятии. Можно сказать, что жертвами внутривнутриполитических интересов и внешнеполитических обстоятельств в России, Монголии, Японии стали и буддологи, и буддисты. По причинам, весьма далеким и от науки, и от веры, на долгие десятилетия замерло развитие буддийской культуры и фактически прекратились объективные научные исследования буддийского мировоззрения.

До начала 70-х гг. XX в. буддизм как объект научного исследования переходит в дисциплинарные рамки подразделения марксистской философии — научного атеизма, что диктовало четкую идеологическую направленность и критическую заостренность соответствующих публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина.— Улан-Батор, 1964.
2. Востриков А. И. К библиографии тибетской литературы // Библиогр. Востока.— 1934.— Вып. 2–4. (1933).
3. Обермиллер Е. Е. Пути изучения тибетской медицинской литературы // Библиография Востока.— 1936.— Вып. 8–9 (1935).
4. Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И. Институт изучения буддийской культуры // Известия АН СССР.— 1927.— Сер. VI.— Т. XXI.— № 18.
5. Отчеты Ф. И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1927 г. / публ. Я. В. Василькова // Orient. Альманах.— СПб., 1998.— Вып. 2–3.

6. Письмо М. И. Тубянского Ф. И. Щербатскому (1928 г.) // СПбФ АРАН. Ф. 723. Оп. 3. Ед. хр. 218.
7. Семичов Б. В., Зелинский А. Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской // Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму.— М., 1988.
8. Современная Монголия.— 1935.— № 5 (12).
9. Тубянский М. И. Автобиография // СПб Филиал Архива РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610: Личное дело М. И. Тубянского.
10. Тубянский М. И. Черновик заявления о целях командировки // АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 56.
11. Тубянский М. И., Беленький С. Ю. К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия.— 1935.— № 3 (10).
12. Obermiller E. E. Indices Verborum Sanskrit-Tibetan to the Nyayabindu of Dharmakirti and the Nyayabindutika of Dharmottara.— Vol. I–II.— 1927, 1929 (Biblioteca Buddhica, vol. XXIV, XXV).
13. Roerich G. N. Indology in Russia // Journal of the Greater India Society.— 1945.— Vol. XII. № 2.
14. The Deluv Khutagt. Memoirs and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution by O. Lattimore and Fujiko Isono.— Wiesbaden, 1982.